

ДОНСКОЙ ПИСАТЕЛЬ

№ 4 - 2013 г

Литературная газета Ростова-на-Дону и Ростовской области

Газета издаётся при поддержке министерства культуры Ростовской области

Правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России, редколлегия газеты «Донской писатель» поздравляют писателей-фронтовиков Николая Матвеевича Егорова, Игоря Михайловича Бондаренко, бывшего директора Бюро пропаганды художественной литературы, председателя комитета участников парада Победы Владимира Григорьевича Гречко, всех донских писателей, литераторов, читателей, работников культуры, всех жителей Ростовской области с праздником Великой Победы нашего народа в Отечественной войне 1941 – 1945 гг, и желают счастья, благополучия и, конечно же, здоровья! С Победой, дорогие друзья!

Презентация первого номера журнала «Дон_новый»

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

Среди общественно-политических и литературных журналов страны «ДОНу» принадлежала заметная роль в объединении

необходимости такого печатного издания, журнал дважды менял название – вначале «Лавра», а через два года стал именоваться «На подъёме». «ДОНом» он стал только с 1957 года.

Долгое время членом редколлегии журнала был Михаил Александрович Шолохов, что придало этому изданию большую значимость. На страницах «Дона» был опубликован рассказ писателя «Судьба человека» и вторая часть романа «Поднятая целина». «ДОН» первым напечатал такие значимые произведения советской литературы, как

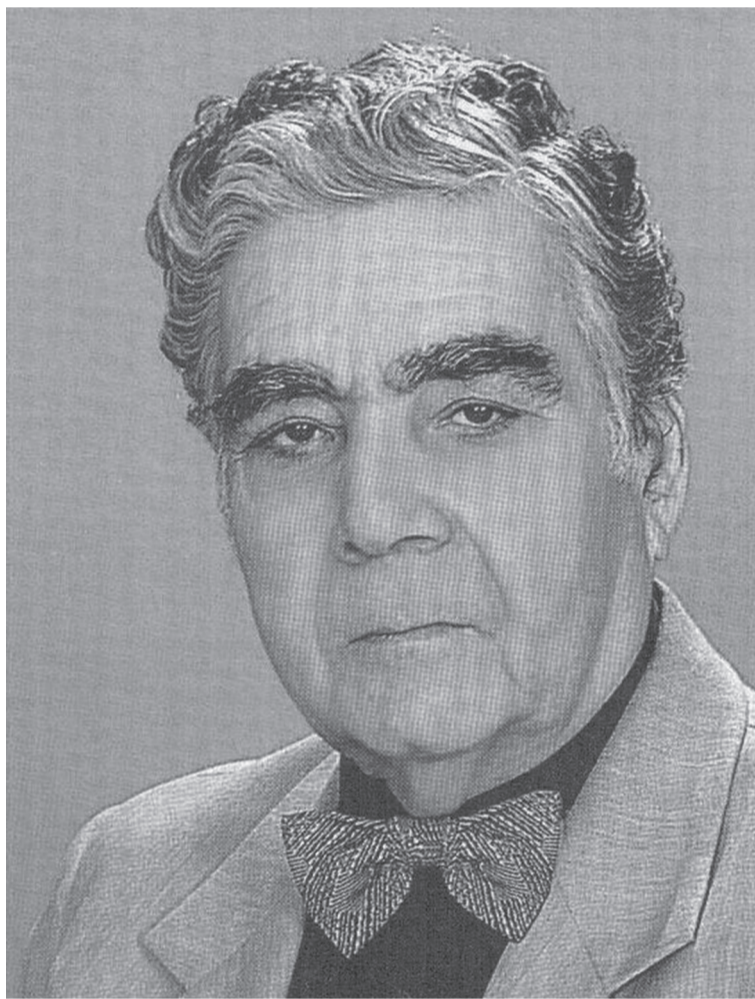
писательских сил юга России. Возникший в 1925 году при непосредственном участии Александра Фадеева, сумевшего убедить Северо-Кавказский крайком ВКП(б) в

«Мужики и бабы» Б. Можая, «Мой маленький Париж» В. Лихоносова. С ростовским изданием активно сотрудничали К. Паустов-

(Окончание на 3 стр.)

Ростовскому писателю НИКОЛАЮ МАТВЕЕВИЧУ ЕГОРОВУ

90 лет!

В номере:
Эдуард Барсуков
Новые страницы журнала
«ДОН». Мнение
1 стр.

Николай Егоров
Про девочку в серой шинели
Стихи
2 стр.

Григорий Рычнев
Казак Можая. Очерк
3 стр.

Антонина Попова
История ростовской писательской
организации. ч 2. Очерк
4 стр.

Алексей Береговой
Жрецы Храма
Воспоминания ч.3
5 стр.

Клавдия Павленко
О книге Дмитрия Ханина
«Не прочтите в упрёк». Рецензия
6 стр.

Внимание членов Ростовского отделения СП России!

Начат приём прозаических, поэтических и публицистических работ членов отделения для юбилейного сборника РРО СП России, посвященного 90-летию Ростовской областной писательской организации.

Поэзия будет приниматься в объёме до 150 строк, проза и публицистика – до 80 000 знаков. К произведениям должны прилагаться краткие творческие биографические сведения и фотография.

Все материалы должны присылаться только в электронном виде на адрес donpisatel@yandex.ru вордовскими файлами без макетирования и архивирования с пометкой: «ЮОСПР». Срок приёма работ – до 15 июня 2013 года.

Внимание писателей!

В связи с началом подготовки к выпуску Альманаха министерства культуры Ростовской области редколлегия Альманаха начала приём поэтических, прозаических и публицистических работ для рассмотрения их к публикации в Альманахе. Поэзия принимается в объёме до 150 строк, проза и публицистика – до 80 000 знаков. К произведениям должны прилагаться краткие творческие биографические сведения характера и фотография.

Все материалы должны присылаться только в электронном виде на адрес donpisatel@yandex.ru вордовскими файлами без макетирования и архивирования с пометкой: «АМК». Срок приёма работ – до 1 июня 2013 года.

Официально:

Правление Ростовского регионального отделения Союза писателей России сообщает, что 9 июня 2013 года в 12 часов дня в помещении Донской государственной публичной библиотеки состоится Общее собрание членов Ростовского отделения Союза писателей России со следующей повесткой дня:

1. Приём литераторов в члены Союза писателей России.
2. Выборы делегатов XIV съезда Союза писателей России от Ростовского отделения.
3. Рассмотрение вопроса о создании Ассоциации Союза писателей России из писательских отделений Юга России.
4. Разное.

Правление РРО СПР также сообщает, что его решением от 26 апреля 2013 года утверждены к рассмотрению Общим собранием отделения к приёму в члены СПР следующие литераторы-кандидаты:

1. Баштовая Ксения Николаевна, Ростов-на-Дону – прозаик;
2. Григорьева Маргарита Александровна, Новошахтинск – поэт;
3. Дутов Вячеслав Кузьмич, Красный Сулин – поэт;
4. Зименко Вячеслав Александрович, Ростов-на-Дону – прозаик.

Внимание членов Ростовского отделения СП России!

В связи с началом реализации российско-белорусского проекта «Двуязычная дружба» объединённая редколлегия проекта начинает приём поэтических, прозаических и публицистических работ для рассмотрения и утверждения их участия в совместном двуязычном сборнике проекта. Поэзия будет приниматься в объёме до 120 строк, проза и публицистика – до 60 000 знаков. К произведениям должны прилагаться краткие творческие биографические сведения и фотография.

Все материалы должны присылаться только в электронном виде на адрес donpisatel@yandex.ru вордовскими файлами без макетирования и архивирования с пометкой «Белрос». Срок приёма работ – до 30 июня 2013 года.

Николай Егоров

Про девочку в серой шинели

Николай Матвеевич Егоров – известный ростовский поэт, прозаик, публицист, переводчик, художник, член Союзов российских писателей и художников России. Родился 27 мая 1923 г. в Грозном. Добровольцем ушёл на Великую Отечественную войну, командовал стрелковым батальоном, был ранен. Автор нескольких книг прозы, поэтических сборников, художественных переводов произведений поэтов и прозаиков народов Северного Кавказа, Калмыкии, Армении. Живёт и работает в Ростове-на-Дону.

Нам в сорок первом – восемнадцать,
нам в сорок третьем – только двадцать,
нам в сорок пятом – двадцать два.
Лишь начали мы разминаться,
но доля вынудила драться
хлебнувших юности едва.

Мы навидались страшных былей,
да юности из нас не вынешь –
она прошла за боем бой.
Мы воевали и любили,
пришёл ли – не пришёл ли финиш,
а каждый был самим собой.

И остаёмся мы собою,
лишь внешне вянем и стареем,
а нравом лет своих юней –
такими вышли мы из боя,
оставило такими время
нас в юности, до смерти в ней.

Лишь начали мы разминаться,
но доля вынудила драться,
хлебнувших юности едва.
Нам в сорок первом – восемнадцать,
нам в сорок третьем – только двадцать,
нам в сорок пятом – двадцать два.

Я был смешлив, и не был я слезлив –
и даже боль, в военную грозу,
изранив тело, душу обозлив,
не вышибала из меня слезу.
Боль наяву – чего уж там! – остра,
боль памяти – и не сравнить! – острее.
И жаль: слезами не разжечь костра,
чтоб эту боль спалить на том костре.
Несу цветы я павшим на войне,
несу и поседевшую любовь,
и с долготельем, что досталось мне,
досталась память – вся! – сплошная боль.
И плачу, улыбаясь: виноват,
мол, нервы, нервы, мол, года, года...
Часы стучат – стучат, как автомат.
Слезам не смывается беда.

Жил и живу без ненависти, право. –
Как без неё на фронте воевал;
не эта, столь воспетая, отравка
под огневой меня бросала вал.
Я с юности себя готовил к бою

и там, где не сыграешь, – на войне
вставал на смерть и на врага
с любовью
к родному крову и к родной стране.

Горек путь был – до моих седин,
потому и сетуют седины:
если бог на небесах один,
отчего же люди не едины?
Иль не видит со своих высот
он,
как в мире зверствует косяя?
Верим, что спаситель нас спасёт! –
всеблагой, – чего же не спасает?
Ждём-пождём и молимся века,
и повсюду с богом – только с богом! –
тянется к оружию рука,
защищая и добро, и погань.

Пришельца встречали мечами,
и в дни торжества и печали
победу свою отмечали
молчаньем лишь, а не речами.
История никнет – плечами,
и память пылает – свечами.
Победа горда и в печали –
могилы достойны молчанья.

Да, оба мы петь не умели,
но пили мы с ним, как гусары!
Про девочку в серой шинели
запели –
она ведь спасала
от страха нас, грязи и пули,
от страсти, которой не знали.
Напились, наелись, заснули
под крышею на сеновале.
Вернулась она в сновиденьях,
вернула нам юности грёзы.
Смывали похмельные тени
мужские едучие слёзы.
И сквозь времена, и сквозь дали
мы пели сонеты-сонаты,
и ей все цветы отдавали,
полученные от фанаток.
Знатней не бывало солистов,
поскольку мы оба запели
о сгнувшей в схватке с фашистом
той девочке в серой шинели.

В пути до солнца ни колдобин,
ни вешек, ни следов колёс.
На свет держись ты, глядя в оба,
чтоб дьявол мимо не пронёс.
Иди! Порою заклубится
кругом космическая пыль.
Иль, поманив, мелькнёт жар-птицей
комета за полтыщи миль.
Иль свистнет рядом астероид
в серебряных доспехах льда.
И в страхе душу пот покроет,
но это тоже не беда!
Шагай и гордости исполнись:
мол, цель рискована, ну и что ж!
Случится, что сгоришь у солнца,
так ведь до солнца ты – дойдёшь!

Не бессонница – сны наяву,
от которых спастись мне невмочь.
Понукают меня, как сову,
сторожить эту длинную ночь.
Может, утром пойму я, что зря
верил в чёрные грёзы ума,
но пока не настанет заря,
прямая мыслью стужа и тьма...
Что ни выпадет – переживу
(лишь не с близкими, а со мной!).
Словно вещь слышу сову,
а откуда ей взяться – зимой?

История опомнится – тогда,
когда ни палачей, ни жертв не станет,
когда и те, и те исчезнут без следа,
истлев под почернелыми крестами.
Риторика историка вовек
не возвратит минувшего –
ни мига,
не поживёт понову человек,
не выйдет ненаписанная книга.
И платят разум и добро сполна
тоскою по тому, чему не сбыться
теперь и впрямь.
История вольна,
да не вольны события и лица.

Воспоминанья и мечты –
подаренный судьбой манок

и снадобье от маеты
для тех, кто вовсе одинок.
Когда уже немоготу
печали бытия отвести,
воспоминанье и мечту
прими за то, что вправду есть.

За годом год, и каждый, как редут.
Возьмёшь один, за ним встаёт другой,
и встречу тебе, жестокой волей вздут,
огонь, что ветер, – долгий и тугой.
Идёшь и помнишь:
на любом шагу
ты можешь рухнуть.
Но твои друзья
надеются:
ты бой даёшь врагу,
и подвести тебя никак нельзя.
Ты с ними, как живой, берёшь редут.
Возьмёшь один и станешь брать другой,
и встречу тебе, жестокой волей вздут, –
огонь, что ветер времени тугой.

Слабее память, воля, сила,
но чувства в силе и ясны,
и сердце от тебя, красивой,
пьянеет, словно от весны.
И я, поверь, не обезьяню,
когда, ни слова не сказав,
смотрю счастливыми глазами
в твои смешливые глаза.

Быть может, это святотатство,
но в жизни есть резон тому:
спешить уйти, чтоб не остаться
на белом свете одному.
Годки уходят,
Провожая
их,
право, не хочу, чтоб мне
пришлось хоть былкой урожая
сопреть последним на стерне.
И чтоб ответом на молчанье
молчанье слышать мог вокруг –
и сам себе однополчанин,
ровесник сам себе и друг.

Меняется походка старика:
всё мельче шаг, всё реже, что ни год.
Он будет скорость сбрасывать, пока,
измотанный, на финиш не придёт.
А там и лента на бескровном лбу,
и свечка в бледных пальцах,
и затем –
дадут под троекратную пальбу
последний старт –
уже в земную тьму.

Григорий Рычнев

Донскому скульптору Николаю Васильевичу Можаяву 22 мая исполняется 85 лет. В энциклопедии «Казачество» – (М. Издательский дом «ИНФРА-М», 2003) – о нем сказано следующее: «...из донских казаков... Заслуженный художник Украины (1983), лауреат Шолоховской премии (1996). Работает в станковой и монументальной скульптуре. Основная тема творчества Можаява – донское казачество. Можаяв – автор комплекса скульптурных композиций в Шолоховском районе, памятника «Защитникам Отечества» на Хопре, памятника атаману К.А. Булавину и др.»

Где-то в начале 80-х годов ветераны войны хутора Колундаевского задумали установить новый памятник погибшим землякам. «Первой скрипкой» в этом деле был фронтовик, тогдашний председатель сельсовета Антон Григорьевич Мельников. Он от кого-то узнал, что есть такая мастерская в Луганске, а спрашивать надо скульптора Можаява. Сел Антон Григорьевич в автобус и поехал. С тех пор вёшенцы подружились с Николаем

Васильевичем Можаявым, и уже через год и в Колундаевке, и в Вешенской к 9-му мая 1975 года были установлены и открыты со всеми воинскими почестями два бетонных монумента: «Погибшим воинам Великой Отечественной» и «Клятва».

Тогда же Можаява пригласил к себе в гости М.А. Шолохов. Он по достоинству оценил работы скульптора, а встреча с любимым писателем вдохновила Николая Васильевича на создание монументально-декоративной скульптуры «Григорий и Аксинья», которая в 1983 году была установлена в г. Ростове-на-Дону на левом берегу реки в зоне баз отдыха судоремонтного завода «Прибой». Но вёшенцы требовали своего: скульптурная композиция должна стоять в Вешенской! И в 1985 году «Григорий и Аксинья» благополучно «приехали» на родину... И прописались навсегда, у самого тихого Дона, где прилюбили заводь в пору весеннего разлива белоснежные лебеди.

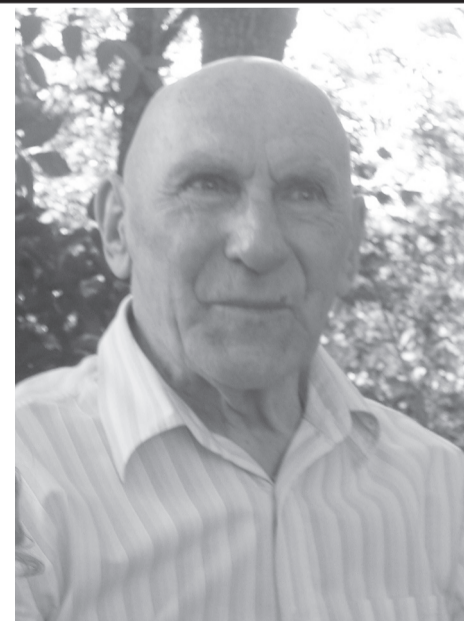
В том же 1983 году Николай Васильевич создал памятный знак «Орел», посвященный

творчеству Шолохова. Он отлит из чугуна, бронзы. Вес – 13 тонн, размах крыльев – 7.5 метров. У подножия слова: «Молодой Орел, желтоклювый, а крылья размахнул»...

Всего в Шолоховском районе Н.В. Можаявым было установлено по местам боевой славы и литературным тропам героев произведений М.А. Шолохова шесть монументов. Венцом творчества стала конная статуя «Казак тихого Дона», установленная на развилке дорог Вешенская – хутор Кружилин в 1991 году. Творческий замысел этого проекта вынашивался художником 30 лет!

За 60 лет скульптором создано в своем жанре сотни прекрасных произведений – монументов. А сколько ещё проектов, замыслов, эскизов... Он и в свои 85 лет продолжает творить. Долго по вечерам в его мастерской не гаснет свет.

Автора интересуют герои прошлого и настоящего времени, конкретные исторические личности, которые делали Россию, её славу и могущество. Вот, например, первооткрыватель

угля в Донбассе Григорий Капустин. Живой его взгляд в будущее – светел и чист. Схвачен характер бывшего человека, героя из древних русичей времен Куликовского поля.

А вот составитель русского толкового сло-

Презентация первого номера журнала «ДОН_новый»

НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА

кий, В. Закруткин, С. Михалков, М. Никулин, А. Калинин, А. Софронов, Р. Гамзатов, Д. Кугультинов.

Журнал делала «команда» профессионалов, его выписывали в разных уголках страны, имелись подписчики и за рубежом. Экземпляры «ДОНа» можно найти в Пристонском университете и в библиотеке Конгресса США.

С развалом СССР финансовое положение «ДОНа», как и других журналов страны, заметно ухудшилось. С 1991 года журнал впервые перешёл на вдвоенные номера, а со временем стал терять и свою периодичность. Всё теперь

стало зависеть от инициативы и изворотливости самих издателей, от их умения найти финансовую возможность продлить жизнь любимому детищу.

И вот перед нами новый выпуск журнала «ДОН», который так и называется «ДОН_новый». И увидел он свет при поддержке Союза писателей России, поставивший перед собой цель распространения издания на территории России и стран СНГ. И общественный редакционный совет, и главный редактор Г.В. Студеникина делают попытку создать новый тип журнала, не претендуя на правопреимственность

«старому».

В чём же выражается это стремление? Прежде всего в усилении патриотического звучания издания, делая его приближённым к журналу «Наш современник» и другим изданиям, которые дорожат бережным отношением к русской истории, национальным традициям, к родному языку. В то же время, как и «старый» журнал «ДОН», «ДОН_новый» готов представить читающей публике произведения всех литературных жанров, что и было продемонстрировано в первом номере.

Заметками Михаила Михайловича Шолохова из книги «Об отце» обозначена шолоховская линия, которая должна доминировать в журнале, давая настрой художественным и нравственно-этическим проблемам жизни общества, образуя нерасторжимую связь между днём вчерашним и нынешним.

Среди публикаций, представленных на суд читателя, выделяется проза Павла Шестакова. Фрагменты незаконченного романа-эссе

«Неизбежность» показывают каким недоужинным талантом обладал этот безвременно ушедший от нас писатель. Композиционная цельность повествования, точность психологического портрета, ни одного лишнего, неработающего слова, пустого диалога.

Многозначна и узнаваема проза Николая Дорошенко. Точное знание быта российской глубинки, умение передать живой характер людей, привязанность автора к родной земле роднит рассказы московского автора с прозой В. Распутина, В. Астафьева, В. Белова.

Разнообразием и богатством интонаций радует представленная в журнале поэзия. Лирической взволнованностью, идущей от

«ДОН»

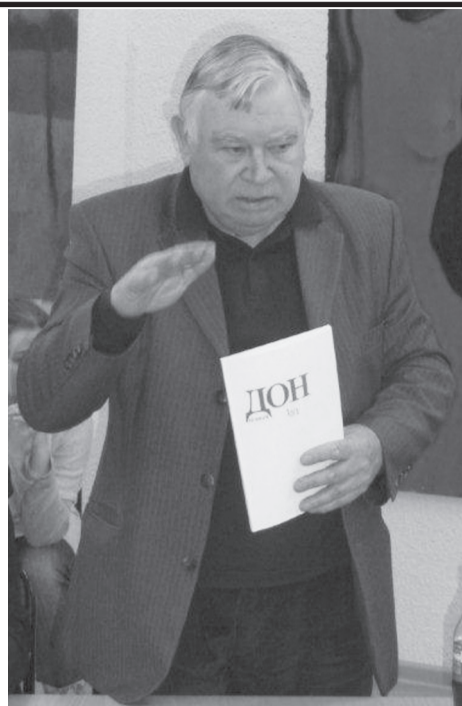
жизни, музыкальностью и энергией стиха отмечена подборка Викторией Можяевой, Высокий уровень поэзии Леонида Дьякова, Игоря Кудрявцева, Бориса Примерова и других участников поэтического «марафона».

Раздел «Критика и литературоведение» представлен исследованием Людмилы Малюковой жизни и творчества Марины Цветаевой — исследованием глубоким, позволяющим понять склад недоужинной натуры поэтессы, ход её мыслей, яркое мастерство, глубины человеческого духа в столкновении с эпохальными катаклизмами века. Работа Малюковой в какой-то мере полемизирует с опубликованной в этом номере журнала «жесткой» оценкой С. Куняева, данной Цветаевой, её «экзальтированному воображению».

С интересом читаются «Страницы дневника» Станислава Куняева. Автор вполне убедителен, когда, опираясь на факты истории, разоблачает антисоветские либеральные бредни, мифологию вероотступников и перевёртышей. Здесь налицо бойцовские качества русского патриота. Хуже, когда, любя свой народ, предвзятно относишься к другому. У каждого здравомыслящего человека не могут вызвать симпатии представители еврейского народа, принимавшие участие в репрессивных акциях в годы революции и Гражданской войны.

Все эти Ягоды, Блюмкины, Френкели, Берманы, Розалии Землячки, Аграновы, Свердловы и др. Но ведь были и другие списки лиц этой национальности, которые принесли славу своей социалистической родине: авиаконструкторы С.А. Лавочкин, М.И. Гуревич, М.Л. Миль, танкостроитель Ж.Я. Котин, создатели атомной бомбы Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, ближайший сотрудник С.П. Королёва Б.И. Черток, академики А.Ф. Иоффе, Л.Д. Ландау, 153 Героя Советского Союза. Может быть, стоит «отделить мух от котлет»?

Содержательно опубликованное в новом

журнале Слово Валерия Ганичева, посвящённое 20-летию Русского Собора. С интересом прочтёт читатель страницы истории «Южтехмонтажа», над которой работает главный специалист этого легендарного производственного объединения Рэмил Завёрткин.

Итак, перед нами первый номер нового журнала «ДОН». Будем надеяться, что он, как и ранее, объединит поэтов и прозаиков Дона, Кубани, Северного Кавказа. Надо восстановить переводческую школу, которая была сильна на Дону. Надеемся, что в журнале найдётся место краеведению, для истории донского и кубанского казачества. Ждём новых литературных имён, которым журнал «ДОН» даст путёвку в жизнь.

Эдуард Барсуков,
член Союза российских писателей.

От «ДП»: Редакция газеты полностью согласна с мнением автора статьи: «мух от котлет» надо «отделять». А лучше всего — их вообще не «смешивать». Потому что мы все один народ.

варя — Владимир Иванович Даль. Поучительный пример в истории: предки — выходцы из Дании, но он называл себя казаком, а русский язык стал ему самым родным. И вырос он, можно сказать, тоже на Дону, на Луганщине. Скульптор представил великого Даля в полный рост с дорожным посохом в руке и книгой, которую он подарил нам на века.

Митрополит Дмитрий Ростовский... Даля с метрополитом роднит православие, духовная стойкость, мужество; каждый из них безоглядно отдавал свою жизнь служению нашему Отечеству.

А вот шахтер, колхозница-целинница, академик Михаил Алпатов, Тарас Шевченко и партизанка вре-

У Михаила Александровича Шолохова лександром

мен Великой Отечественной войны, космонавт и рабочий литейного завода.

...В прошлом году в станице Вёшенской в дни «Шолоховской весны» Николай Васильевич развернул выставку своих работ. На просмотр было представлено более 30-ти скульптур и проектов будущих памятников. Выставка вызвала большой интерес у вёшенцев и их гостей. Администрация района предложила Николаю Васильевичу передать часть своих работ районному краеведческому музею. И Можяев с удовольствием согласился.

Где-то в 1977 году в станице готовились к празднованию Дня Победы в Великой Отече-

ственной войне. Рядом с памятником «Клятва», что в центре станицы, я увидел человека высокого роста. Он был в кирзовых сапогах, в летней лёгкой кепочке, а в руках — мастерок и ведёрко с раствором. Он подкрашивал памятник, шпатель левал трещины. Что-то скоблил, скалывал долотом лишние бетонные мазки. Это был сам Можяев!

Не помню дословно первую беседу, но разговор был о творческом пути, о судьбе художника. Я понял тогда, что для Можяева каждая его работа, памятник — тот же ребёнок, который требует внимания и ухода. И вот так каждый год он навещает свои памятники.

А мне хотелось понять: как, с чего начинается творческий день скульптора... Как он видит в куске глины, в глыбе гранита конкретное лицо, дыхание времени, характера. Как оно всё это проходит через душу, сердце... Оказывается, если образ созрел, выношен, в буквальном смысле слова, «на плечах», то в дальнейшем скульптору легко работает. Тогда глаза и пальцы его осязательно лепят, создают, творят прекрасное. И это «вечное и прекрасное» закладывалось в нем с детства, в степном хуторке с его родовым названием «Можяевка».

Предки Николая Васильевича ещё в 16 веке заложили Митякин городок и ближайший хутора. «Можай», «Межа» — это где-то далеко в

степи, где что-то с чем-то граничит... Теперь Можяевка — сельское поселение Тарасовского района. От трассы «М4-Дон» — 60 километров. Глубинка ещё та. Надо ехать обязательно днём, иначе заблудишь. Лет десять назад я с удовольствием путешествовал к Можяеву в Можяевку. А Можяевы там живут чуть ли не в каждом втором доме. Но скульптор прописался здесь один, и культурное гнездо Можяевых раздвигает плечи: сын Александр — известный писатель, невестка Виктория Валерьевна — поэтесса, дочь Надежда — художница, десять внуков у Николая Васильевича и семь правнуков. Старшие внуки уже завели свои семьи.

На самой границе с Украиной живут Можяевы. Речка Деркул через огород течёт — она и есть та самая пограничная полоса.

В прошлом году я ещё одну такую поездку совершил к Можяевым, чтобы поздравить с пятидесятилетием Викторину Валерьевну. Мы только подъезжали к хутору, а СМС-сообщение нас уже оповестило, что в соседнем государстве нас видят... Но дай Бог, чтобы культурное гнездо Можяевых служило объединению, сближению и расцвету двух великих славянских культур.

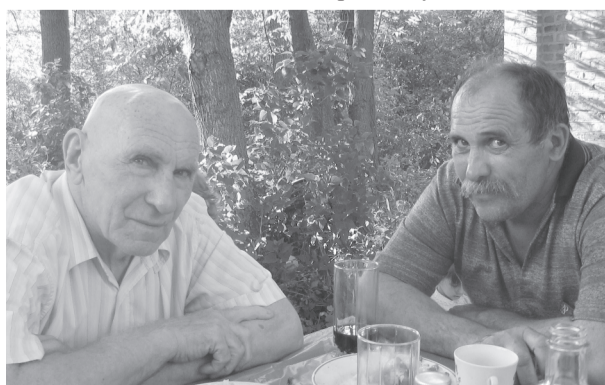
Видитмо, сам Бог повелел жить Можяевым на Деркуле. И вот что интересно: старожил семейства не мечтал быть скульптором... Он хотел быть моряком! Даже поступил в «мореходку» в городе Баку. Через год разочаровался однообразием жизни, пейзажа, бросил. Мать Валентина

Устиновна, не дождавшись мужа с войны, настаивала на своем: «Отец приказывал учить тебя в железнодорожном...». Поступил и тоже бросил. Шёл по улице Луганска, и — как Бог осветил: «Художественное училище». Зашёл в приёмную. «Творческие работы есть?» — «Нет, но я завтра нарисую».

Коля нашел в городе свою тёткушку, попросил у неё краски и карандаши, изрисовал за вечер весь школьный альбом и на следующий день вновь пошел в училище. Там посмотрели и удивились: «Вчера нарисовал? Вам надо учиться!» И поступил. И закончил отделение скульптуры. И на всю жизнь прикипел к творчеству.

...Бесценный дар краеведческому музею Шолоховского района — скульптурные произведения Н.В. Можяева. Их более двух десятков. Что может быть благороднее дружественного рукопожатия? И не только в Вёшенском мы встречаемся теперь с Николаем Васильевичем. Мы узнаем его творческий почерк на Хопре, под Кумылженской станицей Волгоградской области, под Миллерово близ трассы «М4-Дон» по памятнику «Труженикам тыла», в станицах и хуторах, в Ростове-на-Дону и в городах Луганской области.

Николай Васильевич Можяев со своими душевной красотой и щедростью таланта, как и положено казаку, по-прежнему в строю. Он украшает нашу землю, воспевает её и славит человека труда.

С сыном-писателем Александром

Антонина Попова История ростовской писательской организации. 20-е годы. Ч.2

А.А. Фадеев с рабочими и сотрудниками газеты «Советский Юг»

Осенью 1924 г. членом Ростовской писательской организации стал Александр Фадеев, приехавший из Краснодара. Он начал сотрудничать в газете «Советский Юг». И сразу стал душой журналистов и рабкорской молодежи газеты. «Он, как и все мы, — рассказывает (писатель А.П.) П. Х. Максимов, — не прочь был при случае весело пошутить, посмеяться, спеть вместе с товарищами-журналистами и тоже молодыми ростовскими писателями А. Бусыгиным, Вл. Ставским и другими хорошую старинную русскую песню «Ой да ты калинушка, ой да ты не стой, не стой на горе крутой...». Журналистская и литературная деятельность А. Фадеева в этот период свидетельствует о проводимой им огромной работе — он бывал в шахтерских поселках, знакомился с нефтяниками Майкопа, выступал на партийных и комсомольских собраниях в кубанских станицах и везде создавал корреспондентские посты.

А. Фадеев отвечал на вопросы рабочих корреспондентов края, советовал, как и о чём писать. Одному парткору А. Фадеев рекомендовал не механически перечислять в своей корреспонденции результаты шестичасовой работы его предприятия, а делать выводы, другому — излагать факты яснее, покороче, третьему писал, что «сухой цифровой материал для газеты не подходит» и «рискованно по одним письменным материалам делать сообщения».

Хроника литературной жизни Ростова свидетельствует о том, что в ноябре 1924 г. А. Фадеев был избран в состав правления РостАППа. Он часто выступал на литературных собраниях ассоциации с чтением глав из романа «Разгром», с докладами по различным вопросам советской литературы.

Первые публикации «Разгрома» появились в Ростове в ноябре 1924 г. на страницах газеты «Советский Юг». Деятельность А. Фадеева в РостАППе способствовала укреплению связи ростовских писателей с Северо-Кавказскими редакциями газет.

В начале 1925 г. в Ростове-на-Дону проходило краевое совещание редакторов газет, резолюцию которого разработали А. Фадеев и В. Киршон. Эта резолюция, подтверждающая большую заинтересованность общества в развитии пролетарской литературы. Полностью опубликованная в журнале «Лава» резолюция свидетельствует о том, что центральным на совещании был вопрос о политико-воспитательной работе среди рабочих и сельских корреспондентов и начинающих писателей из их среды. Участники совещания отметили большие успехи Ростовской писательской организации и определили пути дальнейшей работы РостАППа по объединению рабочих писателей Северного Кавказа. Резолюция совещания рекомендовала редакциям всех краевых газет «оказать существующим ассоциациям пролетарских писателей всемерную и практическую поддержку» и предлагала принять следующие практические меры:

1. Дать возможность пролетарским писателям опубликовывать свои произведения на страницах газет и журналов, с этой целью открыть литературные странички или подвалы в газетах и т. д.

2. Помогать ассоциациям в работе по выявлению и вовлечению в ассоциацию тех рабкоров и селькоров, которые имеют наклонности и способности к художественному творчеству, всемерно способствовать установлению прочных связей между рабкорскими организациями и ассоциацией пролетарских писателей.

3. Содействовать вновь возникающим ассоциациям на местах, обращать особое внимание на писателей

Как члену правления РостАППа А. Фадееву было поручено добиться через краевой комитет партии разрешения на издание литературно-художественного журнала «Лава». Такое разрешение А. Фадеев получил.

В «Советском Юге» 25 февраля 1925 г. было помещено объявление, в котором сообщалось, что в марте 1925 г. начинается «выходить «Лава» — литературно-критический журнал, орган ассоциации пролетарских писателей Северного Кавказа, под редакцией тт. В. Киршона, Н. Стальского и А. Фадеева».

Первый номер «Лавы» вышел не в марте, а в апреле 1925 г., и, как рассказывает П. Х. Максимов, фактическим редактором журнала был А. Фадеев. «Покончив с правкой корреспонденции и заметок для отдела партийной жизни газеты «Советский Юг», он принимался за рукописи журнала «Лава», лежавшие на том же редакционном столе отдельно, аккуратно стопкой, — читал, правил, давал переписывать на машинке, вновь правил и сдавал в набор, — делал это с великой серьезностью, с сознанием важности этого дела и вместе с тем с явным удовольствием (хотя, с точки зрения нынешних дней, журнал «Лава» был очень скромный). Тираж его номеров в 1925 — 1926 годах был всего 200, 350 и 650 экземпляров».

По свидетельству Н. Стальского, автором программной статьи «От редакции» был А. Фадеев. Эта статья интересна как документ, помогающий выяснить взгляды А. Фадеева на значение литературно-художественного журнала в деятельности писательской организации. А. Фадеев писал, что «Лава» объединит вокруг себя пролетарских писателей края, поможет в работе учителю, литературному кружку, рабочему клубу. «Журнал должен стать массовым, — подчеркивал он. — Это налагает обязательства. В него нужно писать просто, понятно, доступно. Не всё, особенно сначала, удовлетворит

этим требованиям, но будем стремиться к этому. Журнал должен стать неразрывным мостом между пролетарским писателем и пролетарским читателем. Первый номер — основание моста. Будем крепить дальше».

В октябре 1925 г. В. Киршон уезжает в Москву для работы в РАППе. Во главе краевой писательской организации становится А. Фадеев. В истории борьбы ростовской писательской организации за единство, высокую идейность и художественное мастерство период, связанный с жизнью и деятельностью А. Фадеева в Ростове, имеет особое значение. В это время литературная организация идейно окрепла. Редактируя «Лаву», А. Фадеев сумел объединить вокруг журнала поэтов, писателей, театральные критиков, журналистов, преподавателей, литературоведов. В редакцию поступало огромное количество литературного материала, свидетельствующего о небывалом культурном подъеме пролетарских и крестьянских масс, впервые взявших за перо. Большинство авторов, присылающих свои произведения, составляла молодежь с фабрик и заводов, из Красной Армии, сел, станиц, хуторов.

Работа А. Фадеева с молодыми авторами — одна из интереснейших страниц истории ростовской писательской организации. С именем А. Фадеева в 20-х годах связано начало творческой деятельности многих советских писателей. Среди них писатель из Новороссийска Анатолий Арский. А. Фадеев познакомился с ним во время поездок по заданию «Советского Юга». Он видел в А. Арском талантливого пролетарского поэта и всемерно помогал ему выйти на большую литературную дорогу. «Было известно, — рассказывает П.Х.Максимов, — что А. Арский придет в Ростов на учебу и для оргработы в Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей. Об этом они договорились с А. Фадеевым. Мы ждали приезда Арского в Ростов, в нашу писательскую семью».

Но планы А. Фадеева и А. Арского не осуществились: 27 декабря в смертельной схватке с бандитом-диверсантом чекист погиб. Известие об этом потрясло А. Фадеева. 30 декабря 1925 г. в «Советском Юге» был опубликован некролог, в котором А. Фадеев писал: «Нет никакого сомнения в том, что в лице Анатолия Арского погиб один из наиболее даровитых пролетарских поэтов Северного Кавказа. Так можно сказать не только потому, что все написанное им, во-первых, отражает различные моменты нашей борьбы и строительства под нужным нам углом, и, во-вторых, несёт в себе зерна подлинного художества, но и потому, что Арскому было только 24 года, он бесспорно рос в своих стихах и обещал гораздо больше того, что успел дать... Арский выжил в своих стихотворениях и своё лицо, являющееся в то же время лицом того класса, который определил направление его творчества и которому он отдал не только своё дарование, но и жизнь... Арский являлся одним из активнейших работников в Северо-Кавказском объединении пролетарских писателей и руководителем Новороссийской ассоциации».

Под влиянием А. Фадеева складывалась творческая биография писателя Александра Бусыгина. Первую повесть «Посёлок Кремнёвка» А. Бусыгин писал с помощью А. Фадеева летом 1925 г. в хуторе Долинском. А. Фадеев учил молодого автора партийности в освещении фактов, помогал находить точные слова для портретной характеристики литературного героя, советовал следовать в художественном произведении правде жизни.

За лето 1925 г. повесть «Посёлок Кремнёвка» была А. Бусыгиным написана. Вначале отрывки из неё печатались в сборнике «Первый гудок», вышедшем в 1925 г., а затем в 1926 г. её издало Ростовское издательство «Севкавказкнига» с предисловием А. Фадеева.

Это предисловие долгое время не было знакомо исследователям творчества А. Фадеева. Оно появилось лишь в 1958 г. в «Воспоминаниях о писателях», а затем в 1962 г. в статье «А. Фадеев и молодые писатели».

Личным примером, товарищеской критикой, дельным советом А. Фадеев помог малограмотному парню с рабочей окраины Ростова А. Бусыгину стать писателем, о котором позднее М. А. Шолохов скажет: «Выходец из рабочей среды, сам рабочий в юношеские годы, Александр Бусыгин как бы воплощал не только в своем нравственном, но и физическом облике лучшие черты, присущие русскому рабочему, ...до конца надежный, скромный в общении с другими товарищ, горячо любящий литературу, отважный воин-пулеметчик, — таким был Александр Бусыгин... Он прожил честно жизнь и умер честной солдатской смертью; тяжело раненный в обе ноги он нашел в себе силы доползти до станкового пулемета,

расчет которого был уничтожен вражеской миной, и, прикрывая отход товарищей, один вел огонь до последнего патрона в ленте».

После выхода в свет романа А. Фадеева «Разгром» среди ростовских писателей существовало мнение, что прототипом фадеевского Морозки был А. Бусыгин. Это мнение не лишено основания.

Во время работы над «Разгромом» А. Фадеев часто проводил свободные часы вместе с А. Бусыгиным. Талантливый парень с рабочей окраины, участник гражданской войны, командир красного бронепоезда А. Бусыгин был той колоритной фигурой, с которой, как с природы, можно было писать литературный образ Морозки — рабочего-шахтера, малограмотного сучанского парня, нашедшего цель своей жизни в борьбе за социализм.

Создавая образ Морозки, А. Фадеев придал ему некоторые черты внешнего облика своего друга: как и Бусыгину в те годы, Морозке 27 лет; оба они приземисты, широкоплечи, имеют зелено-карие глаза и непослушный кучерявый чуб. «Для меня, — говорил позднее А. Фадеев, — всегда имеет значение — видел ли я сам тот или иной случай: в «Разгроме» я описываю то, что видел... В основе каждого из героев «Разгрома» — живой человек, к которому добавлены те или иные черты и от людей похожих на него».

О работе А. Фадеева с начинающими писателями с большой теплотой рассказал автору настоящей работы советский писатель Г. Шолохов-Синявский:

«После отбытия действительной службы я работал телеграфистом в Ростове, в Управлении железной дороги. Первый свой рассказ написал о том, чего хорошо не знал. Получилось что-то надуманное, с чужого голоса, с чужих слов... Надуманное мое творение попало к А. Фадееву, работавшему в то время в редакции «Советский Юг» и одновременно редактировавшему журнал «Лава». С большим нетерпением я ждал оценки своего рассказа и, конечно, был убежден, что написал что-то исключительное. Так всегда думают начинающие авторы, когда приносят в редакцию первые свои литературные упражнения. Ответ А. Фадеева был разочарывающим и в то же время обнадеживающим: «Рассказ слабый, но способности у автора несомненны». На второй странице против описания портрета главного героя рассказа: «Он походил на старого опшпанного петуха», — пометка зелеными чернилами рукой Фадеева: «Неплохо». Всего несколько слов написал А. Фадеев, но я запомнил их на всю жизнь. В слабом лепете начинающего автора, в шести написанных от руки страничках, в двух-трех свежих метафорах большой чуткий писатель уловил признаки дарования. Это решило мою судьбу. Я стал работать с большой настойчивостью и года через полтора, в перерывах между изнуряющими ночными дежурствами на телеграфе, написал повесть «Преступление».

Глава писательской организации и редактор журнала, Александр Фадеев никогда не размывал пресловутой «рапповской дубиной», как это делали некоторые другие рапповские руководители. «Не помню ни одного случая, — вспоминает П.Х. Максимов, — чтобы он говорил оскорбительно, издевательски о ком-либо из молодых ростовских авторов. Нет, он умел подойти к автору и без рапповского зубодобительства, сказать ему о достоинствах и недостатках его произведения, умел найти путь к сердцу человека».

К 1925 г. вокруг РостАППа объединились 11 писательских организаций края, насчитывавших более 300 прозаиков и поэтов. Назрела необходимость создания Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей с литературным центром в Ростове-на-Дону.

В июле 1925 г. в Ростове состоялся первый пленум писателей Северного Кавказа. Его участники отметили тесное единство всех пролетарских писателей края и предложили осенью 1925 г. созвать конференцию, которая окончательно оформила бы создание СКАППа — единой Северо-Кавказской ассоциации. Особо стояли на пленуме вопросы творчества крестьянских писателей и писателей национальных меньшинств. В резолюции пленума отмечалось, что все литературные организации края должны обратить серьезное внимание на крестьянских писателей, всемерно помогать росту их рядов, создавать специальные литературные странички, в которых бы печатались их произведения.

«Задача пролетарских писателей, — отмечалось в резолюции, — объединить писателей-националов вокруг своих организаций, помочь им в творческой работе, дать указание и оказать помощь в деле печатания их произведений как на их национальных языках, так и в переводе».

В «Советском Юге» от 26 ноября 1925 г. сообщалось, что в конце октября А. Фадеев выступал на собрании пролетарских писателей Ростова и что в основу его доклада была положена резолюция ЦК партии от 18 июня 1925 г. По докладу А. Фадеева о положении литературных групп в Москве и по требованию старого правления РостАППа была вынесена чёткая резолюция, наметившая ряд мероприятий по дальнейшему улучшению работы ростовской писательской организации.

Источники:

1. Гордеева Н. М. Литературный Ростов 20-х годов. — Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского университета, 1967 г., 160 с.
2. Писатели Дона: Библиографический сборник, Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1976 г., 288 с.
3. Попова А. Истоки современной ростовской поэзии. Экскурсы в прошлое. Донской писатель, №9, 2010 г., с. 1.

Алексей Береговой

3. ЖРЕЦЫ ХРАМА

Вот мы и подобралась, наконец, к тому, ради чего, вернее — ради кого и затеяна была эта публикация: к служителям культа литературы — донским писателям. С некоторыми из них мне посчастливилось встачаться.

К сожалению, познакомиться с Михаилом Александровичем Шолоховым и Виталием Александровичем Закруткиным мне не удалось. Первый был для меня в то время недосягаемой высотой — я был в этом уверен и потому не предпринимал к знакомству с великим писателем никаких действий. Со вторым, вероятно, просто не успел познакомиться, как не успел познакомиться с Виталием Семёным и некоторыми другими, на мой взгляд, выдающимися донскими писателями.

В этих записках я стараюсь вспомнить именно свои, вполне ещё дилетантские впечатления от встреч с писателями старшего поколения, так сказать, на заре моей литературной юности и первых лет моего членства в Союзе. Я считаю эти впечатления самыми правильными, потому что с ростом «союзного» стажа меняются и твоё отношение к коллегам, а вместе с ним — и впечатления от общения с ними, и только чистые, молодые, независимые от чего-то внешнего чувства человека, влюблённого в литературу, могут составить, наверное, наиболее правдивую картину для новых поколений литераторов и читателей.

Конечно же, наиболее значительной в то время литературной фигурой в Ростовской области был Анатолий Вениаминович Калинин.

Меня представил ему, кажется, Владимир Фролов в Вёшках на одном из первых литературно-фольклорных праздников «Шолоховская весна», куда я, автор тогда ещё единственной книги «Свои и чужие», приехал с делегацией писателей.

Встреча была на стадионе, — ожидалось выступление московских гостей Элины Быстрицкой и Евгения Матвеева, столичных писателей, затем скачки, и так далее — Анатолий Вениаминович стоял в окружении каких-то людей, из которых я знал лишь вёшенского литератора Гришу Рычнева, рассеяно отвечал на сыплющиеся на него разномастные вопросы и, видимо, о чём-то попутно размышлял, а потому выглядел не совсем приветливым. Он оживился, здороваясь с членами ростовской делегации, в числе всех подал и мне руку, как символ знакомства, и, как мне показалось, тут же потерял ко мне интерес. И я понял, что пока ещё являюсь частичей той «толпы», которая окружала его до нашего подхода, на вопросы которой он, деликатный и культурный человек, вынужден был отвечать.

Обижаться за неприветливость я не мог. Я знал, что сделал в литературе ещё очень мало, что нужно работать и работать, чтобы такие писатели, как Калинин, приняли тебя в свой круг, посчитали за своего. И я работал. И дарил ему свои книги при встречах.

Следующая наша встреча состоялась только через несколько лет в хуторе Пухляковском на одном из юбилеев Анатолия Вениаминовича. Затем встречи стали проходить чаще и чаще. Особенно хорошо было приезжать к нему или в межюбилейные дни рождения, или просто так — навестить. Тогда не мешали толпы «паломников» в усадьбу писателя. На летней веранде флигеля в малом кругу гостей и домочадцев за чашкой чая и обязательной бутылкой знаменитого пухляковского вина (в становлении производства которого Анатолий Вениаминович, так сказать, приложил руку и не малую) можно было часами слушать этого, уже преклонного возраста, но удивительного рассказчика. Он рассказывал о литературной жизни в стране, о донских писателях такие вещи, которые можно было услышать только от него и которые были построенные лишь на его личных впечатлениях. Например, он много рассказывал о белохардейском, дворянском прошлом Михаила Никулина, которого обожал как действительно выдающегося донского писателя, о том, как мешало это прошлое писательской карьере Никулина, но мощный, неоспоримый талант писателя всё же пробивал его творчеству дорогу в печать. Он очень дружил со своим коллегой-соперником Виталием Закруткиным, который

жил неподалёку — в хуторе Кочетовском. Глаза Анатолия Вениаминовича смеялись, когда он рассказывал о том, как Закруткин, приезжая в гости, ногой открывал калитку в воротах усадьбы и сразу же кричал: «В этом доме вино есть?» — «Есть, есть!» — кричали в ответ домочадцы Калинин, и Закруткин, закрывая калитку, громко говорил: «Тогда иду...»

И только о современной жизни он не любил говорить. Не принял он её несправедливости по отношению к народу, лжи о его прошлом. Это была болезненная тема, терзающая душу писателя, потому — нелюбимая.

Разговоры длились долго, до тех пор, пока дочь Наталья не говорила нам шёпотом: «Всё, папа устал...» — и мы уезжали.

Он очень любил свою внучку Наташу, которая рано трагически погибла и была похоронена в усадьбе Калинин. Каждый день в любую погоду и в любом состоянии Анатолий Вениаминович начинал с посещения её могилы, надолго оставаясь возле неё и, очевидно, делясь с любимой внучкой своими мыслями, своими чаяниями и печалью. Сейчас они похоронены рядом.

Самое большое впечатление, которое производил Анатолий Вениаминович на окружающих — это органически живущие в нём честность и порядочность — свойства, соответствующие настоящему русскому писателю (сейчас утрачиваемое в писательской среде). Он наглядно давал понять, что русский писатель, это не тот, кто пишет, это тот, кто пишет и живёт по совести.

Были у Калинин, на мой взгляд, два небольших недостатка. Первый заключался в том, что, будучи абсолютно честным человеком, он всегда верил людям на слово и потому часто не мог увидеть подлека, распознать лжеца, а те вились вокруг него, как осы над вареньем. Второй — это не недостаток, а скорее слабость. Он часто хвалил книги откровенно слабых писателей и даже давал им рекомендации на вступление в Союз писателей. Когда его спрашивали, зачем он это сделал, отвечал просто: «Человек же ехал ко мне за много километров с надеждой, как же я могу его лишить надежды! Я даю рекомендацию, а вы решайте так, как должно быть...» Это стало его правом — правом быть наставником, отцом всех донских литераторов. Именно отцом, а не судьёй. К сожалению некоторые из числа «похваленных» им литераторов, так и произведя ничего качественного на свет, тем не менее, до сих пор «трясут» его рекомендациями, как доказательствами своей литературной исключительности, требуя, порой, для себя определённых побряжек.

Казалось бы, не участвуя активно в жизни Ростовской писательской организации, ничего не навязывая ей с высоты своей известности, с пьедестала своего лауреатства, он оказывал на неё огромное влияние. На мой взгляд, особенно в свои последние годы, он был таким опорным столбом огромного, сшитого из разномастных кусков мыслящей материи, шатра Ростовской писательской организации — мощным и прочным. Калинин жил вне Ростова, но он всегда был рядом, — к нему в любой момент можно было подъехать, поговорить, посоветоваться. Когда Анатолий Калинин умер, отделение лишилось этого «опорного столба», шатер не рухнул, нет, но обвис, стал подвержен трёпке залётных и алчных ветров, в которой начисто потонуло для многих именно калининское понимание статуса русского писателя — совести в нём уже отводили мало места.

26 апреля 2008 года мы, почему-то совсем в неурочное время, перед Пасхой, посетили Анатолия Вениаминовича. Плохого никто не предполагал. Всё было как обычно. Беседовали, пили чай. Но некоторые его фразы казались какими-то не совсем обычными, он словно говорил что-то такое непонятно-загадочное, словно это «что-то» оставял или завещал нам. Главное в этих словах — подчёркивание необходимости стабильности и прочности ростовского регионального отделения Союза писателей России, в котором уже тогда явно наметился раскол, о писателях пошли грязные публикации в газетах. И ещё — напоминание о стабильности, как о залоге прочности всего литературного процесса на Дону, сохранения самобытной донской культуры.

Тогда я не придал особого значения его словам, просто принял их за обычный совет «патриарха», вызванный его беспокойством за организацию. Осмысление пришло позже. Пришло изнутри, даже не в мыслях, а скорее в чувствах, в ощущениях. Потому что через полтора месяца, 12 июня мы узнали об уходе писателя из жизни. Я ехал тогда от родственников из Новошахтинска и по какой-то причине на минуту остановил машину. В это время мне позвонил Воронов и сообщил о смерти Калинин. Я слушал Василия, а вокруг меня образовывалась пустота, какой-то мировоззренческий вакуум. Словно перестали говорить и двигаться люди, заглохли двигатели всех машин. «Столб» затрещал, сломался... Пришло переосмысление его слов...

Организацию удалось сохранить и укрепить. И в этом есть большая заслуга Анатолия Калинин. Его отеческая забота и честная принципиальность помогли спасти организацию. Могу смело сказать, что он и сегодня остаётся «духовной опорой» всем честным донским писателям.

После ухода Анатолия Вениаминовича среди ростовских писателей и литераторов появился термин «У каждого свой Калинин». Да мнений о нём много — кто-то прав, кто-то не прав. Каждый человеком, который говорит о Калинин, видимо, руководит что-то своё. Но это лишь подтверждает, насколько многогранной и объёмной была личность этого выдающегося человека, известного в мире писателя. У меня он вот такой.

Я был знаком с тремя руководителями Ростовской областной писательской организации Союза писателей СССР: Петром Васильевичем Лебедеком, Геннадием Анатольевичем Сухорученко и Владимиром Иосифовичем Фроловым.

Как руководителя Союза Петра Васильевича я не знал. Знаю его только как писателя и человека.

Мы, кучка литераторов, часто собирались на террасе Дома писателя или в актовом зале, как всегда что-то обсуждая, и когда он шёл на работу с неизменной дымящейся «Примой» в мундштуке — боевой лётчик, участник войны, известный писатель. Мы притихали и только, порой, слышался шёпот: «Тихо! Сам идёт». То есть — председатель. Настолько высока и авторитетна для нас была эта должность, да и сам её носитель. Но к нам подходил совершенно «простой мужик» и каждому дружески пожимал руку, у каждого тихо, улыбочиво спрашивал о творческих свершениях или не свершениях, каждому желал успехов. И так каждый раз. Подходил не

как писатель, не как руководитель областной организации, а как простой человек, равным нам товарищ по труду. Он понимал и принимал нашу литературную неадекватность.

Но это было такое пожелание, от которого и мы, не опуская его, поднимались на новую литературную высоту. Ведь с нами беседовал, нам желал, нам улыбался... сам председатель областной писательской организации, статус которой он как был высок! Подхалимажа или заискивания здесь не наблюдалось. Простота и величие объединялись и давали нам чрезвычайно плодородную смесь. Это сейчас, едва председатель правления пожмёт руку среднему литератору, из вежливости поздравив его с выходом книжки, как тот тут же чувствует себя «приобщённым» и начинает ему «тыкать», похлопывать по плечу. Не знаю почему. Наверное, это соответствует уровню современной культуры в обществе, нынешнему статусу организации.

В своих кратких воспоминаниях не могу не вспомнить ещё один момент, касающийся Петра Васильевича Лебедека.

Однажды в Ростове гостила делегация писателей Северного Кавказа (честно говоря, не помню из какой республики). Гости привезли и подарили Лебедеку несколько бутылок «скрижамент» — водки, настоянной не то на пятнадцати, не то на двадцати горных травах. Напиток понравился всем, кто его пробовал. Позже ростовчане гостили у кавказцев, там тоже пробовали знаменитый напиток. И вероятно от большого количества лестных слов, сказанных в адрес напитка и в знак уважения, кавказцы стали уже ежегодно присылать Петру Васильевичу несколько бутылок «скрижамент». Он обязательно приносил бутылочку в Союз, наливал всем присутствующим по рюмочке и получал очередную порцию хвалы напитку.

Шли годы. Страна была разодрана в клочья. На Кавказе шла война. Не знаю, до какого времени приходили посылки, но в Союзе «скрижамент» появлялся регулярно — Пётр Васильевич по-прежнему приносил горскую водку на Пушкинскую и угощал им всех присутствующих.

Однажды я спросил у Фролова:

— Неужели ему до сих пор присылают «скрижамент» с Кавказа?

Фролов засмеялся:

— У Петра Васильевича очень хорошая дача, созданная собственными руками. У него очень хороший виноградник — он всегда серьёзно им занимался. Теперь он сам делает виноградный самогон — чачу. Настаивает на каких-то травах и называет её «скрижаментом». В честь кавказского напитка. А может, и ради юмора. Угощает писателей и радуется, когда хвалят.

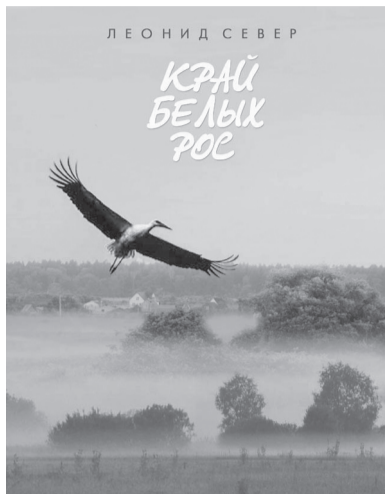
— И что, этот «скрижамент» на самом деле такой замечательный?

— Кто же на Руси будет хулить дармовую выпивку? — снова засмеялся Фролов.

Петр Васильевич очень серьёзно относился и к виноделию, и к производству своего напитка. И вполне возможно, что его «скрижамент» был не хуже знаменитого кавказского собрата.

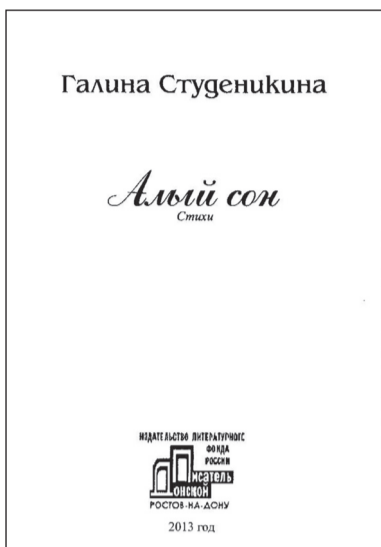
Однажды в Геленджике я видел в магазине бутылки со «скрижаментом», но купить не рискнул. Не захотел рискнуть развеять хорошую легенду...

Леонид Север. Край белых рос. Переводы стихов белорусских поэтов. — Ростов н/Д: Издательство «Донской писатель», 2012. — 72 с.
В книгу таганрогского автора Леонида Севера «Край белых рос» вошли авторизованные переводы на русский язык белорусских

Книжное обозрение

поэтов Надежды Верас, Андрея Ястремского, Миры Мирной, Анатолия Кудласевича.

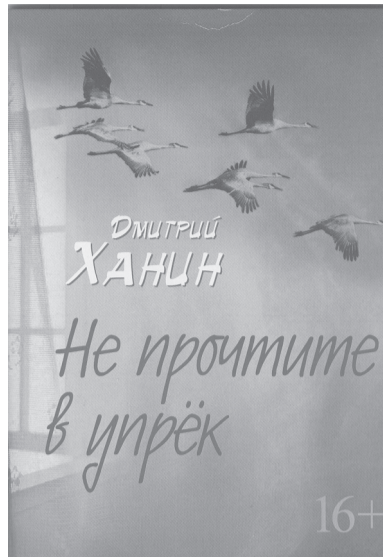
Галина Студеникина. **Алый сон. Сборник стихотворений.** Ростов н/Д: Издательство «Донской писатель», 2013 — 168 с.

В новую книгу новочеркасской поэтессы, члена Союза писателей России Галины Студеникиной вошли различные по тематике и направленности стихотворения, однако поэтесса и в этот раз верна вечному: любви, человеческим отношениям, общению с природой.

Дмитрий Ханин. **Не прочтите в упрёк. Сборник стихотворений.** — Ростов н/Д: Издательство «Легион - М», 2012 — 48 с.

В новую книгу молодого ростовского поэта, члена Союза пи-

сателей России Дмитрия Ханина вошла неопубликованная ранее лирика, которую, как и прежде можно отметить высоким уровнем содержания и поэтического творчества.

С днем рождения!

ПОЗДРАВЛЯЕМ наших товарищей, членов Союза писателей России, Союза российских писателей, членов Литфонда, родившихся в мае — месяце Великой Победы:

Малюкову Людмилу Николаевну (08.05.1942);

Егорова Николая Матвеевича (27.05.1923) — с **девяностолетием!**

Яворовскую Ирину Алексеевну (28.05.1937);

и наших товарищей, родившихся в дни первого летнего тепла:

Карташова Юрия Ильича (02.06.1968) с **сорокапятилетием;**

ПЕСОК

Смотри: песок меж пальцев течет, Как время, как жизнь, как будни... Ему все равно — проклятье, почёт, В потёмках или в полудне.

В морщинах ладоней копится икрой, По ветру — веснушчатый градом. Живёт он горстью, змейкой, горой, Пустыней и степью рядом.

Он в пашне и в доме, в речных берегах... И наше грешное тело Сам Бог содеял, взяв этот прах. И тело почти отвердело.

Приняв в себя воду и Божий присуд — Ранимую лёгкую душу... Живём, как песчинки на землею текут, Умрём — превращаемся в сушу.

И кто нас направит — Рука иль судьба — Принять нам придётся любое, Ведь наша гордыня и наша борьба Лишь ради смиренья, покоя... *Юрий Карташов, член СП России.*

Диклова Владимира Ивановича (06.06.1947);

Суханову Наталью Алексеевну (10.06.1931);

Джичову Елену Георгиевну (16.06.1939);

Харламова Юрия Ильича (21.06.1936);

Агоеву (Перегудову) Розу Аминовну (23.06.1966);

Желаем «новорождённым» увлекательного летнего отдыха — далёких путешествий, морских круизов и, конечно, новых творческих идей, выливающихся в замечательные произведения!

Газета издаётся при поддержке министерства культуры Ростовской области.

В «ТОЛСТЫХ» ЖУРНАЛАХ РЕГИОНА

Альманах «Дон и Кубань» №1 (16) 2013 г. 164 стр. Издательство Литературного фонда России «Донской писатель».

Вышел в свет очередной номер литературно-художественного альманаха Юга России «Дон и Кубань».

Открывается номер юбилейными публикациями рассказа Владимира Мостипана «Курган» и венка сонетов Николая Бусленко «Vivat, Ростов!»

Проза в номере представлена второй частью нового романа Владимира Барвенко «Дыхание Голгофы» (первая часть публиковалась в №2 (15) альманаха за 2012 г.) и первой частью повести молодого писателя из посёлка Шолоховский Ростовской области, члена Союза писателей России Константина Полупанова «Не бывает...». Это первая публикация автора в альманахе.

В раздел «Поэзия» вошли тоже первые публикации авторов в ранге членов Союза писателей России ростовчанки Розы Агоевой — «Верны привычке детства» (переводы стихов поэтов Кавказа), и таганрожца Владимира Диклова — поэтическая подборка «В колыбели лунной».

Как всегда в альманахе широк литературский раздел — «Родник». Открывается он рассказом победителя предыдущего номера ростовчанина Вячеслава Зименко «Прозрение». Проза представлена рассказом молодого автора из Ростова-на-Дону Ксении Баштовой «Аленький цветочек счастья», рассказами автора из Ростова-на-Дону Артура Саакова «Притча про Божий Дар» и «Теория столкновений», рассказом Тамары Приваловой из Таганрога «Вначале были слова...» и объёмным рассказом ростовчанина Павла Бойчевского «Новая власть».

Обширен круг авторов поэтических подборок. Это уже достаточно известный автор Вячеслав Дутов из Красного Сулина с подборкой «Всё вокруг — поэзия!», подборка стихов поэта из Волгодонска Татьяны Мажориной «Вдруг да сбудется?..», стихотворение Ольги Ткачёвой из города Шахты «Ковыль», подборки ростовчан Валерия Калины «Отказавшийся от крыл», Дениса Александрова «В непонятках» и Наташи Корбут «Весьма Любезно», а также — поэтические подборки новошахтинца Алексея Помазкова «По нашему закону», шахтинки Татьяны Рябинской «Продев изумрудную нить» и поэта из Адыгеи (г. Майкоп) Александра Шепшелевича «Сквозь карнавал».

Отмечен своей первой публикацией и школьник из Ростова-на-Дону Никита Колесников, который представлен рассказом «Страшно смешная история» и стихотворно изложенной легендой «Как эвенки змеев победили».

Редколлегия альманаха уверена, что каждый автор текущего номера найдёт своего заинтересованного читателя.

Обозреватель

О новой книге Дмитрия Ханина

«Не прочтите в упрёк»

«Гвоздь — непризнанный памятник прошлого...»

Его поэтический мир — тонкое, трогательное восприятие жизни, поиск сокровенного: «Если сердце еще откликается, / Надо хлеб раскрошить снежирям. — / Может, будет не поздно покаяться / И расчистить тропинку к дверям...» Или: «Я грубые ткани / Латаю до утра, — / Согнулась иголка / Любви и добра». Это осмысление уроков юности, раздумья о дне сегодняшнем, состоянии души человеческой: «Не вини людей, / Эта боль не лечится, / Назови детей / Красотой и Вечностью». Или: «Чем опаснее дорога, / Тем задумчивей привал. / Глядя в ночь, прошу я Бога, / Чтобы Он существовал».

В сборнике, кроме стихов традиционных, логически выстроенных, можно найти и такие, которые называются ассоциативными, с неожиданными ходами и поворотами мысли. Но как те, так и другие, безыскусны, проникновенны, и — мастерски «сработаны». Кроме того, в поэзию Дмитрия Ханина их объединяет своеобразный взгляд автора и его стремление не приземлить вечные, непреходящие понятия. Казалось бы, хорошо знакомые явления или состояния автор способен рассмотреть с каких-то одному ему известных сторон, запечатлеть мгновения с присущей ему наблюдательностью и честностью. Так, в стихотворении «Вы прислушайтесь, леди...» автор говорит: «Я для Вас — будто фартук для шумной, дородной хозяйки, / То есть нужен, ухожен, но, впрочем, легко заменим. / Не прочтите в упрёк. Я по тем же законам устроен. / С позволения признаюсь, и Вы для меня — как пиджак. / Он, быть может, удобен. Возможно, по правилам скроен. / И по цвету красив. Но сидит почему-то не так». В стихах Ханина чувствуется какая-то потаенная пружина, которая, распрямившись, может зацепить и иногда даже оцарапать.

Безусловно, строгие ценители поэзии найдут в этом сборнике некоторые погрешности. Я хочу сказать о другом. Мне симпатично творчество Дмитрия. Уверена, что он не зря «взялся за перо». Его стихи, написанные ясным живым языком, подкупают свежестью и искренностью. Но иногда, я считаю, они излишне сдержанны и в большинстве своём оставляют впечатление недосказанности или недопонятости автором собственных пристрастий и стремлений. Наверное, причина здесь только одна: отсутствие опыта. Но молодость, а с нею и неопытность — явления, как известно, быстро проходящие. Поэтому, убеждена, что самые лучшие, щемящие душу строчки у Дмитрия ещё впереди. И хочу пожелать ему новых ощущений и впечатлений, благодаря которым мы будем иметь удовольствие знакомиться с его лучшими стихами. А этот небольшой по объёму, но ёмкий по содержанию сборник стихотворений пусть станет залогом новых, ещё более проникновенных и зрелых произведений.

Клавдия Павленко, член Союза писателей России.

Общественная редакционная коллегия:

А. Резванов — министр культуры РО,
А. Береговой, Н. Бусленко, В. Воронов, А. Глазунов,
Л. Малюкова, А. Можаев, И. Сазонова Г. Студеникина,
В. Чеботников, В. Шостко — члены СП России,
Н. Скребов — чл. СПР, Т. Аксенова — ЗО УК Ростова-на-Дону,
А. Попова — ЗОМО ЦГБ им. Горького

Номера газеты «Донской писатель» и альманаха «Дон и Кубань» можно прочитать на сайте: www.donlib.ru

Газета писателей Ростовской области

редактор Алексей Береговой
над выпуском работали:
корректор Е. Симонова
верстка И. Зубкова
художник Н. Коновалова

В номере использованы фотографии В. Терентьева
Номер подписан в печать 14.05.13 г. Тираж 990 экз
Адрес редакции: 344002, Ростов-на-Дону, ул. Серафимовича, 89/94
т/ф 8 (863)292-78-03; т. 8-918-599-67-51; 8-918-854-80-59;
donpisatel@yandex.ru
распространяется бесплатно